

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070027

EDN: GIYASC

Китай в индо-тихоокеанской политике США: цели и эволюция

С.В. Уянаев

*Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН),
117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32; ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>
Scopus ID: 23486790800 e-mail: svuyav@yahoo.com*

Резюме: Тема формирования в США «стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе» и её задач в отношении КНР продолжает оставаться актуальной, поскольку подпитывается новыми фактами и событиями. Целью настоящей статьи является попытка на основе немалого числа выпущенных в США в 2017–2023 гг. правительственных документов по ИТР, проследить развитие и эволюцию планируемых в них подходов к Китаю. Рассматриваются динамика связанных с КНР целевых установок, а также и инструменты, которые Вашингтон вырабатывает для их реализации. В данном контексте анализируются также «индийский фактор» и интересы РФ.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, США, Китай, стратегия, документы, эволюция, сдерживание

Для цитирования: С.В. Уянаев. Китай в индо-тихоокеанской политике США: цели и эволюция. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7) 23-35.

DOI: 10.31857/S2686673023070027 EDN: GIYASC

China in American Indo-Pacific Policy: Goals and Evolution

Sergey V. Uyanaev

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS),
32 Nahimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>
Scopus ID: 23486790800 e-mail: svuyav@yahoo.com*

Abstract: The formation of the US strategy in the Indo-Pacific, including an approach to China, is well described in scientific literature.

Nevertheless, the “step by step» analyses of a considerable number of documents, published in recent years by Trump and Biden administrations both, makes it possible to draw some special conclusions. On this base the article touches the evolution of the US regional goals and tasks concerning China, observes the practical instruments Washington continues to work out to implement them. The regional role of some other players including Russia and India also is a subject of reflection.

Keywords: Indo-Pacific, the US, China, strategy, documents, evolution, deterrence

For citation: Sergey V. Uyanaev. China in American Indo-Pacific Policy: Goals and Evolution. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 23-35.
DOI: 10.31857/S2686673023070027 EDN: GIYASC

ВВЕДЕНИЕ

Формирование индо-тихоокеанской политики США прямо связано с эволюцией глобальных целей курса США на внешней арене. Именно задача не только не утратить, но и максимально укрепить позиции США как глобального лидера являлась очевидным мотивом предпринятых во второй половине 2010-х годов шагов по выработке стратегической концепции, которая эффективно продвигала бы интересы США в единой обширной зоне Тихого и Индийского океанов. Не случайно начальное формирование ИТР как идейного концепта происходило одновременно с выдвижением тезиса «Сделать Америку вновь великой» (*Make America Great Again*), с которым пришла в Белый дом администрация Д. Трампа.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Внимание руководства США конкретно к данной региональной конструкции стало не случайным – как раз здесь образовались новые центры влияния, некоторые из которых, прежде всего КНР, объективно способны бросить вызов американской гегемонии. Учтём при этом, что сам термин «ИТР» уже присутствовал в международном политологическом лексиконе. В частности, ещё в конце 2000-х годов он имел хождение в экспертных кругах Индии, оглашался и бывшим премьер-министром Японии [Brendon J. Cannon, Kei Nakata. 2022: Foreword by Abe Shinzo].

Американская версия ИТР как идейно-политического концепта, с одной стороны, обеспечивала более вариативный и комплексный подход, позволяющий, в частности, создавать новые нужные США партнёрские конфигурации в огромных бассейнах «двух океанов», с другой – давал возможность дифференцированно подойти к расположенным здесь странам. Особое внимание было проявлено к Индии [1]. Ныне эта страна становилась важным объектом американских конструкций ИТР, о чём будет специально сказано ниже.

В любом случае есть серьёзные основания полагать, что связанные с концептом ИТР глубинные цели США проявились, прежде всего, в связи с фактором **Китая**.

По мере «идейной обкатки» в последние пять-шесть лет подходов США к Индо-Тихоокеанскому региону, всё более очевидным становился факт, что вопрос о противодействии КНР как к опасному конкуренту изначально являлся в них одним из центральных. Как отмечается в продолжающих выходить исследовательских разработках, формируя концепцию ИТР, «Вашингтон видел в ней средство сбалансировать усилившийся Китай», который «бросил предметный вызов американской гегемонии в регионе» [Felix Heiduk, 2023: 4]. Характерно,

что появление и активная разработка данного концепта США по времени совпала с заметным переменах в подходе к КНР, выразившимся, в том числе, в инициированной Вашингтоном «торговой войне». Два процесса протекали параллельно, оказывая заметное влияние друг на друга.

Анализу перечисленных тем за последние годы посвящено большое количество отечественных и зарубежных публикаций, вышедших и в самое последнее время, включая появившийся в марте 2023 г. объёмный (почти 500 стр.) комплексный сборник «Справочник по исследованиям Индо-Тихоокеанского региона» [Kratiuk, Barbara. 2023].

Тем не менее остаётся интересным специально проследить *динамику и эволюцию* места Китая в американской стратегии в ИТР, имея в виду и уже известные, и сравнительно новые официальные материалы, опубликованные Белым домом, Государственным департаментом и Министерством обороны. Причём внимания заслуживают, с одной стороны, доклады и отчёты о политике США в ИТР, с другой – о «китайском» курсе США в целом.

ПРЕЗИДЕНТСТВО Д. ТРАМПА: ВИДЕНИЕ И ПОДХОДЫ

Уместно напомнить, что Вашингтон впервые публично обратился к идее ИТР в ноябре 2017 г. на саммите АТЭС во Вьетнаме, когда президент США представил общий взгляд на концепцию «свободного, открытого Индо-Тихоокеанского региона». Характерно, что даже в этой рамочной речи, Китай стал единственной страной, которую Д. Трамп упомянул в негативном контексте: заявил «о нечестной деятельности Китая в сфере торговли», о намерении «никому больше не позволить действовать во вред Соединённым Штатам».[2]

Буквально через месяц вышла в свет Стратегия национальной безопасности США (далее – СНБ-2017), где ИТР как геостратегическое понятие присутствовал уже подробно, в виде специального раздела [3]. Причём основным лейтмотивом явилось утверждение, что именно в этой зоне «ревизионистские державы» с «репрессивным взглядом» – Китай, а также Россия – «бросают вызов американской мощи». Речь шла в первую очередь о Китае, который, «стремится вытеснить США из ИТР».

В СНБ-2017 утверждалось, что Китай стремится «распространить на регион свою экономическую модель», перестроить ИТР «в угоду собственным интересам». Были перечислены набор конкретных претензии к КНР: «использование инструментов влияния (экономических, финансовых, инфраструктурных); процирирование угрозы военной силой; милитаризация и угроза судоходству в Южно-Китайском море (ЮКМ); военная модернизации КНР, нацеленная в итоге на «свободу рук в регионе».

Важно подчеркнуть, что, как стало ясно позднее, перечисленные в СНБ-2017 положения, по сути, суммировали многие связанные с КНР тезисы, вошедшие затем в последующие официальные документы. В том числе Стратегия отразила перечень «ответных» действий и намерений США, который по сей день системно присутствуют в официальных документах - укрепление «имеющихся

союзов и региональных партнёрств»; «углубление отношений с новыми партнёрами»; охрана свобод регионального судоходства»; продвижение «двусторонних и сетевых торговых соглашений»; «передовое военное присутствие, способное разгромить любого противника»; «развитие военных отношений и оборонной сети с союзниками и партнёрами».

В феврале 2018 г. Совет национальной безопасности США разработал первый документ уже конкретно по региону - «Рамочную стратегию США для ИТР», которая, впрочем, была засекречена и увидела свет лишь по самым занавес правления Д. Трампа.

Документ конкретизировал цели в ИТР, в том числе те, которые были поставлены в СНБ-2017. Закрытый характер делал изложение весьма откровенным, причём, как стало ясно после рассекречивания, по пунктам предлагались конкретные действия, в том числе связанные противостоянием КНР [4].

Среди узловых целей была обозначена, в частности, задача «сохранения инновационного, военного, разведывательного и информационного преимущества» над КНР. Что касается практических шагов, то документ, среди прочего, рекомендовал: сделать невозможной поставку в Китай промышленных, военных и «других ключевых технологий»; развивать всесторонние связи США с союзниками, оказывать им военную помощь; усилить региональную боеспособность самих США, достаточную, чтобы «лишить Китай надежд на преимущество внутри «первой цепи островов» и надёжно защитить Тайвань.

В одном из самых лаконичных пунктов говорилось и о возможности «конструктивных отношений» с Китаем, нацеленных на «устраивающий США результат». Но этот тезис практически растворился в общей весьма воинственной риторике документа.

Следующий важный документ по ИТР появился в июне следующего, 2019 г., когда теперь уже Министерство обороны США опубликовало «Стратегию США в Индо-Тихоокеанском регионе» [5].

Новым моментом в сравнении с СНБ-2017 стала констатация, что Китай «стремится к региональной гегемонии в ИТР в краткосрочной перспективе, но и в конечном счёте — к глобальному превосходству». Кроме того, в попытке, видимо, сделать сам подход более гибким, негативный контекст часто адресовался не «Китаю вообще», а конкретно ««ревизионистской КНР и её Компартии».

Хотя документ был менее «откровенным», чем засекреченная на тот момент «Рамочная стратегия», но в сравнении с СНБ-2017 список обвинений Китая существенно в нём расширился. КНР вменялись в вину усилия «под видом сотрудничества обложить регион долговым бременем», «притеснение мусульман Синьцзяна», глобальные кибератаки с целью «краж информации», патрулирование вблизи управляемых Японией о-вов Сэнкаку, размещение ракет на островах Спратли и ещё целый ряд подобных пунктов.

При этом документ Министерства обороны, по сути, развивал тезис о «конструктивном сотрудничестве» из Рамочной стратегии-2018. Излагалось намерение противодействовать политике КНР путём «вовлечения Китая» в стратегический диалог «на принципах прозрачности» и «поощрения КНР к поведению,

которое поддерживало бы, а не подрывало основанный на правилах международный порядок». Но итоговое резюме было сформулировано показательно жестко: сказано, что США решительно «не примут политику или действия, которые угрожают подорвать этот порядок».

В сентябре 2019 г. произошло ещё одно событие, имеющее непосредственное отношение к американской политике в регионе – прошла первая встреча министров иностранных дел США, Японии, Австралии и Индии, которая стала важным шагом формирования четырёхсторонней группировки – «Четвёрка» (*Quad*). Вашингтон назвал проведённые консультации «новой вехой в деятельности американской дипломатии в ИТР».

Вскоре, 4 ноября 2019 г., с видением концепции ИТР впервые выступил Государственный департамент США с 30-страничный документ, под названием «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион. Продвигая совместное видение (*FOIP*)», явно претендовал на комплексный взгляд, суммирующий связанные с ИТР возможности и вызовы [6].

Подчёркнуто публичная направленность документа, как очевидно, предполагала упор на темы экономического, гуманитарного и другого сотрудничества. Тема безопасности, включая учёт китайского фактора, внешне не выдвигалась на передний план, но и не была забыта. Пусть и лаконично, всего в двух абзацах, но Пекин был вновь обвинён в «репрессивной политике внутри страны и за рубежом», «подрыве в ИТР стабильности и процветания». Прямо или косвенно КНР и КПК кратко упоминались также в некоторых других разделах – в контексте проблем Тайваня и Гонконга, где выражалась обеспокоенность китайской политикой «запугивания и принуждения». Кроме того, были предъявлены уже знакомые претензии к действиям КНР в киберпространстве, а также в ЮКМ, на карте которого Китай «прочертил нелепую линию из девяти пунктов». Однако в целом подачу китайской темы в *FOIP* можно оценить как менее акцентированную, чем в СНБ-2017 и докладе Министерства обороны-2019.

«ПОДХОДЫ К КИТАЮ»

Выше говорилось, что американское видение роли Китая в ИТР может быть чётче представлено, если анализировать не только материалы стратегии США в ИТР, но и документы, посвящённые американской политике в отношении КНР в целом. Повторим, что эти две категории перекликаются, причём положения собственно «китайских установок» часто становятся элементами документов, непосредственно посвящённых ИТР, и наоборот.

В данном случае обратимся к опубликованному в мае 2020 г. Госдепом докладу «Стратегический подход США к отношениям с Китаем» [7].

Внимание в документе привлёк пункт, где, был подчёркнут так называемый «конкурентный подход», «способный ответить на вызовы Пекина». Говорилось, что конкуренция не обязательно должна приводить к конфронтации, что, даже «конкурируя с КНР», США «приветствуют сотрудничество там, где интересы

совпадают». При этом главной площадкой «конкуренции» документ называл прежде всего ИТР.

Тезис не стал откровением, поскольку, повторим, о возможности «кооперации, которая устраивала бы США», и о «вовлечении Китая в правильное сотрудничество» ранее Вашингтон уже говорил в упомянутых выше документах по ИТР.

Важно другое. Провозглашая возможность «конкурентного сотрудничества» - и регионе, и в глобальном масштабе - Вашингтон не особо настаивал на поиске компромиссов. «Вооружённые силы США будут продолжать осуществлять право на навигацию и действовать везде, в том числе в Южно-Китайском море», - подчёркивалось в документе. Тот же жёсткий подход вновь излагался и по крайне чувствительному для Пекина вопросу Тайваня: сказано о решимости США «оказывать тайваньским военным помощь в сдерживании агрессии».

Показательным вновь стал итоговый тезис, подтвердивший намерения «заставить КНР остановить действия, наносящие ущерб жизненно важным США, их союзников и партнёров».

Такое понимание подхода США затем могло лишь укрепиться. Например, на очередной четырёхсторонней встрече глав МИД США, Австралии, Японии в Токио в октябре 2020 г. госсекретарь М. Помпео с нажимом призывал партнёров по ИТР «сотрудничать с целью обеспечения защиты от эксплуатации, коррупции и давления со стороны КПК» [8].

АДМИНИСТРАЦИЯ БАЙДЕНА И ИТР: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ

Смена американского кабинета на рубеже 2020–2021 гг. привлекла внимание к возможной нюансировке курса в отношении Китая и ИТР.

Первым важным моментом явилась формулировка в опубликованных в марте 2021 г. «Промежуточных стратегических наставлениях по национальной безопасности», в которых Китай впервые был назван как «единственная страна, потенциально способная объединить экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить вызов существующей мировой системе» [9].

11 февраля 2022 г. Белый дом обнародовал новый «профильный» документ, касавшийся непосредственно ИТР - «Стратегию США в Индо-Тихоокеанском регионе» [10].

По общему формату новая Стратегия напоминала аналогичный доклад - «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (*FIOF*), сделанный в 2019 г. предыдущей администрацией. Поэтому изначально был смысл сравнивать именно эти два документа.

«Стратегия США в ИТР - 2022» оказалась более лаконичной (18 вместо 30 стр. в докладе - 2019 г.). Однако с точки зрения китайского сюжета уже беглое прочтение показывало, что, сохранив и вобрав ряд известных положений периода Трампа, она стала более наполненной и не менее твёрдой.

Так, был подтверждён узловой тезис о китайском стремлении «вытеснить США из ИТР», повторено и риторически усилено положение о «растущем стремлении КНР путём комплексного наращивания собственной мощи завоевать господство в ИТР, затем «охватить весь земной шар» и стать самой влиятельной державой в мире». И хотя КНР дипломатично была названа лишь «частичным» мотивом, её роль в подчёркнутом в документе «усилении внимания США к ИТР» была очевидна.

Политика Китая вновь была названа «принуждением, запугиванием и агрессией», к которым Пекин «прибегает от Австралии и Индии до Тайваня и стран ЮКМ и ВКМ». Это стало почти дословным воспроизведением тезисов доклада Государственного департамента от 4 ноября 2019 г. и выступления М. Помпео на 3-й встрече глав МИД «Четвёрки» (*Quad*) в Японии.

Был вновь озвучен и пункт о возможности регионального сотрудничества с Китаем. Внешне новой здесь звучала декларация об «отсутствии у США цели изменить КНР». Но гораздо более вероятно, что, по сути, подтверждалось прежнее намерение «вовлечь КНР» в нужную «среду», которая были бы «максимально благоприятной для США и их союзников».

Однако прямым дублированием Стратегия-2022, конечно же, не была. Присутствовали новые важные констатации, которые касались, прежде всего, расширившихся инструментов реализации региональных целей США и их союзников. Развивая положения прежних документов, Стратегия указывала на возросшие возможности «практической координации» действий США и их союзников в связи с деятельностью новых региональных структур, прежде всего «Четвёрка» (*QUAD*) и АУКУС (*AUKUS*). В этом же контексте была отмечена важность «внимания, проявляемого к ИТР со стороны ЕС и НАТО».

Заметим также, что намерение и дальше «согласовывать подходы с союзниками» было встроено в документе в «триединую» формулу, которая, похоже, стала универсальной для нынешних внешнеполитических концепций США, в которых помимо «опоры на союзников», предусматривается «инвестировать в наращивание силы внутри страны» и «конкурировать с КНР на основе защиты американских интересов».

Иными словами, «Стратегия в ИТР - 2022» не только унаследовала основные установки и оценки предыдущей администраций, но и усилила их. Примечательно, что ещё до выхода этого документа видные российские специалисты, анализируя перспективы курса США в ИТР, по сути, предсказали ряд пунктов будущей Стратегии, подчёркнув, что «разделяя в целом курс предшественника на китайском направлении и считая Китай главной угрозой политическим, экономическим и военным интересам США, Дж. Байден сместил акцент американской стратегии с давления на Пекин по торгово-экономическим вопросам на создание «кольца сдерживания» Китая путём формирования группировок и союзов стран, разделяющих мнение Вашингтона о растущей китайской угрозе» [Панов А. 2021].

Изложенные в Стратегии США в ИТР - 2022 положения во многом были вскоре подтверждены (май 2022 г.) в докладе госсекретаря Э. Блинкена «Подход администрации США к КНР». Но появились и новые важные акценты.

Во-первых, в докладе госсекретаря США ещё чётче прозвучало определение КНР как наиболее «серьёзного долгосрочного вызова». Было подчёркнуто, что КНР является «единственной страной», которая одновременно и «намеревается изменить международный порядок», и «обладает для этого всё большей экономической, дипломатической, военной и технологической мощью» [11]. «Масштабы и размах брошенного вызова» были оценены как «невиданные для американской дипломатии».

При этом Э. Блинкен развёрнуто представил три компонента вышеупомянутой общей формулы нынешних отношений с КНР. Один из них, связанный с «союзническими отношениями», госсекретарь определил как «ключевой актив в регионе ИТР».

Во-вторых, нюансом стала оценка ситуации вокруг Тайваня. Госсекретарь не ограничился заявлением о готовности ответить на угрозу социально-экономической системе острова. В добавление было указано на «попытки КНР разорвать отношения Тайваня со странами мира», упомянуто о «международной озабоченности» и «критической важности обеспечения безопасности в Тайваньском проливе». Такая формулировка, напоминающая, по сути, о международном статусе Тайваньского пролива, прозвучала с известным акцентом, которого не было, как минимум, в аналогичном докладе администрации Трампа.

В остальном были суммированы уже оглашенные ранее подходы, в том числе о задаче формирования «среды вокруг Китая», но по-прежнему «в соответствии с интересами, ценностями и принципами США».

Практически эти же тезисы в части Китая, включая оценку тайваньского вопроса, содержались ещё в двух официальных документах, опубликованных в октябре 2022 года.

Авторы одного из них – Стратегии национальной безопасности, заявили о намерении США «уделять приоритетное внимание сохранению устойчивого конкурентного преимущества перед КНР» [12]. Как отметили региональные наблюдатели, «называя конкурентами и Китай, и Россию, документ поставил китайскую угрозу выше, указал на Китай как на «наиболее серьёзный геополитический вызов Америке» [13].

Тезис о приоритетности внимания к Китаю был ещё более акцентирован в вышедшей следом Стратегии национальной обороны, где подчёркнуто, что «наиболее всеобъемлющим и серьёзным вызовом национальной безопасности США являются принудительные и все более агрессивные попытки КНР перестроить Индо-Тихоокеанский регион и международную систему в соответствии со своими интересами и авторитарными предпочтениями» [14].

Важную для ИТР (и не только) констатацию, связанную «с целями, поставленными перед китайской армией к её столетию» (2027 г.), содержал вышедший уже в конце ноября 2022 г. доклад Министерства обороны «Военная мощь Ки-

тая». Утверждалось, что, будучи реализованными, они «предоставят КПК более убедительный военный инструмент» для объединения с Тайванем [15].

Принципиально важно, что свои декларации Вашингтон реализует в практической политике. Это нашло выражение в заметном росте активности в регионе, особенно в нагнетании противостояния с КНР по Тайваню (визит спикера Палаты представителей Конгресса США в Тайбэй летом 2022 г., «транзитный визит» в США президента Тайваня в марте 2023 года).

ИНДИЯ И РОССИЯ

Отдельно следует сказать о месте, которое в различных американских документах по ИТР отводится Индии.

С выдвиганием собственной концепции ИТР Вашингтон (в дополнение к активности, предпринятой с начала века) придал новый импульс связям с Нью-Дели. Курс на тесные отношения с «крупнейшей демократией мира», включает ныне растущее многопрофильное взаимодействие, в том числе в «Четвёрки». Поддерживая Индию в важных для неё проектах, включая заявку на членство в СБ ООН в качестве постоянного члена и признание её де-факто ядерного статуса, Вашингтон реализует цель если не превратить Нью-Дели в полноценного союзника, то по меньшей мере купировать потенциальный индийский антиамериканизм, осложнить отношения Индии со странами, которые Вашингтон числит своими противниками. Как раз такой цели способствует концепция ИТР, которая, к слову, уже давно (правда, с подчёркнуто собственным видением) разрабатывается в самой Индии.

Поэтому не стало неожиданностью, что практически во всех американских документах Индии уделяется повышенное внимание. Намерение расширить сотрудничество с Индией, в том числе, в сфере безопасности в ИТР, США декларировали ещё в Стратегии национальной безопасности-2017. А в Рамочной стратегии ИТР-2018 прямо сформулирована целевая задача: «Сильная Индия в сотрудничестве со странами-единомышленниками способна составить противовес Китаю». В одном из последних по времени документов (Стратегия национальной безопасности США-2022) не случайной стала декларация о том, что «перед лицом в своекорыстного поведения КНР, США и страны Южной Азии совместными усилиями будут и дальше продвигать процветание в ИТР».

Специальные разделы по Индии содержались в докладе Государственного департамента по ИТР от ноября 2019 (*FOIP*), в Стратегии США в ИТР-2022. Вашингтон продолжает называть Индию «лидером в Южной Азии и Индийском океане», «движущей силой “Четвёрки” и мотором регионального роста и развития».

Американский концепт ИТР в целом отвечает интересам Индии, которая имеет исторически сложные отношения с Китаем. Вместе с тем Нью-Дели, используя преимущества «свободы маневра», избегает (по меньшей мере пока) пересекать откровенно антикитайские линии. В частности, Индия, выступая, повторим, с собственным видением концепции ИТР, настаивает на превалирова-

нии в ней экономических элементов. Именно с такой позицией эксперты связывают тот факт, что в документах «Четвёрки» отсутствуют прямые антикитайские (и антироссийские) формулировки.

Россия, которая по формальным признакам тоже может быть отнесена к странам ИТР, в американских стратегиях по региону (в отличие от стратегий национальной безопасности США) упоминается редко, причём противоречиво.

В засекреченной Рамочной стратегии США для ИТР-2018 Россия названа «маргинальным на фоне США игроком», однако в появившемся через полтора года докладе Министерства обороны по ИТР ей был уделён отдельный раздел. Доклад отмечал попытку РФ «восстановить своё присутствие в ИТР» и тем самым «продвинуть свои глобальные интересы. Было обращено внимание на практическую политику РФ – от экспорта энергоносителей, военно-морской, военно-воздушной активности до продвижения «интенсивной дипломатии», включая развитие военно-политических и военно-технических связей с Китаем.

В стратегиях по ИТР, опубликованных в 2019 и 2022 г. соответственно Госдепартаментом и Белым домом, Россия упоминается лишь в числе стран, которые якобы замечены «в кибератаках с целью похищения чувствительной информации».

Москва изначально выступила против появления американского концепта ИТР, расценив его как искусственную попытку сместить устоявшееся понятие Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), тем самым «переформатировать сложившийся порядок под решение собственных узкокорыстных задач, и в итоге разделить государства региона на "группы по интересам", чтобы установить собственное доминирование» [16].

Вместе с тем на экспертном уровне (и прежде всего в контексте задачи «не вытолкнуть» традиционного привилегированного партнёра – Индию) высказывается мнение о пользе более гибкого подхода, «вычленения» из уже распространёвшейся в регионе концепции ИТР (не Стратегии США в ИТР) рационального элемента в виде возможности более широкого экономического, гуманитарного и другого невоенного сотрудничества.

По понятным причинам резко негативную позицию по поводу американской стратегии ИТР неизменно занимает КНР, где политику США в регионе называют прежде всего «инструментом сдерживания Китая». Подтверждая оценки своих предшественников, недавно крайне резко высказался на это счёт и вновь назначенный глава МИД КНР Цинь Ган, подчёркнувший, что «Индо-Тихоокеанская стратегия» США «щеголяет свободой и открытостью, но на деле формирует закрытые клики, провоцирует конфронтацию и планирует азиатско-тихоокеанскую версию НАТО» [17].

Министр подверг также критике тезис США об ответственной конкуренции с КНР, отметил, что публичные заявления Вашингтона о формировании «формировании стратегической среды вокруг Китая», лишь обнажают истинную цель по сдерживанию КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Анализ деклараций и практической политики США по тематике ИТР последних 5–6 лет говорит, что стратегии Вашингтона в этом регионе, включая их «китайский аспект», последовательно развивалась концептуально, разрабатывалась как на политико-дипломатическом уровне, так и также силами оборонного ведомства и специальных служб; концептуальные основы подходов к ИТР и политике в отношении КНР формируются во взаимосвязи, часто дополняя друг друга в официальных документах подходов.

2. Составными элементами стратегии США в ИТР являются цель сохранения и упрочения собственного доминирования на пространстве от США западного побережья Индии, а также вытекающая из неё задача «сдерживания» Китая как основного вызова этой цели.

3. Политика США в регионе носит в целом преемственный характер: декларации и практические шаги прошлой и нынешней президентских администраций указывают на схожесть подходов, причём нынешний региональный курс в отношении Китая становится всё более жёстким («КНР – главный вызов в регионе и мире»), всё более насыщается инструментами реализации («Четвёрка», АУКУС, региональная активизация НАТО).

4. Между основными региональными игроками - США и КНР имеются системные противоречия, прежде всего по проблемам Тайваня и ЮКМ, что в обозримом будущем чревато не только сохранением нынешней латентно-напряжённой обстановки, но и её обострением. «Конструктивное сотрудничество» стороны, прежде всего США видят, в первую очередь, «на собственных условиях».

5. В углубленном мониторинге нуждаются подходы Индии: крен страны в сторону США потенциально может достичь излишнего уровня, что негативно сказалось бы на её участии в БРИКС, ШОС, трёхстороннем формате РИК, а значит – и на региональных и глобальных интересах России (и Китая).

ИСТОЧНИКИ

1. Alyssa Ayres. The U.S. Indo-Pacific Strategy Needs More Indian Ocean. 22.01.2019. Available at: <https://www.cfr.org/expert-brief/us-indo-pacific-strategy-needs-more-indian-ocean> (accessed 10.03.2023).

2. Полный текст выступления Дональда Трампа на саммите АТЭС во Вьетнаме. Available at: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/11/1-2.pdf> (accessed 21.03.2023).

3. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 01.04.2023).

4. Abhijnan Rej. The US Strategic Framework for the Indo-Pacific: 3 Curiosities. *The Diplomat*. January 14, 2021 Available at: <https://thediplomat.com/2021/01/the-us-strategic-framework-for-the-indo-pacific-3-curiosities/> (accessed 01.04.2023).

5. Department of Defense's June 2019 Indo-Pacific Strategy Report. Available at <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (accessed 23.03.2023).

6. A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. November 3, 2019. Available at: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed 28.03.2023).

7. United States Strategic Approach to the People's Republic of China. May 20, 2020. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (accessed 18.03.2023).

8. Secretary Michael R. Pompeo opening remarks at Quad Ministerial, Japan. October 6, 2020. Available at: <https://todaynewsafrika.com/secretary-michael-r-pompeo-opening-remarks-at-quad-ministerial-japan/> (accessed 28.03.2023).

9. Interim National Security Strategi Guidance. March 03, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/> (accessed 07.03.2023).

10. U.S.-Indo-Pacific-Strategy of The United States. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 28.03.2023).

11. Antony J. Blinken, The (Biden) Administration's Approach to The People's Republic of China, May 26, 2022. Available at: <https://china.usc.edu/antony-j-blinken-biden-administrations-approach-peoples-republic-china-may-26-2022>
<https://china.usc.edu/antony-j-blinken-biden-administrations-approach-peoples-republic-china-may-26-2022> (accessed 28.03.2023).

12. National Security Strategy. October 2022 Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 14.03.2023).

13. Ayesha Binte Towhid. US National Security Strategy 2022: The View from Bangladesh. *The Diplomat*, November 02, 2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/11/us-national-security-strategy-2022-the-view-from-bangladesh/> (accessed 01.04.2023).

14. 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-national-defense-strategy-npr-mdr.pdf> (accessed 01.04.2023).

15. 2022 China Military Power Report. Available at: <https://www.defense.gov/CMPR/> (accessed 31.03.2023).

16. Лавров назвал деструктивной американскую концепцию Индо-Тихоокеанского региона. *РИА Новости*. 13.01.2020. Available at: <https://ria.ru/20200113/1563383094.html> (accessed 01.04.2023).

17. Вопросы и ответы министра иностранных дел Цинь Гана на пресс-конференции, посвящённой внешней политике Китая и международным отношениям. 2023-03-08. Available at:

https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230308_11037323.html (accessed 01.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панов А. Перспективы внешнеполитической стратегии администрации Дж. Байдена в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Россия и Америка в XXI веке*, 2021. № 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760017904-1-1/>

REFERENCE

Panov, A. Prospects of the foreign policy strategy of the administration of J. Biden in the Asia-Pacific region. *Russia and America in the XX-I century*, No. 4, 2021 (In Russ.). Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760017904-1-1/> (accessed (17.03.2023)).

Cannon, B., Hakata, K. *Indo-Pacific Strategies. Navigating Geopolitics at the Dawn of a New Age*. Abingdon/ New York: Routledge, 2022. 270 p. ISBN 9781032057668. Available at: <https://www.routledge.com/Indo-Pacific-Strategies-Navigating-Geopolitics-at-the-Dawn-of-a-New-Age/Cannon-Hakata/p/book/9781032057668> (accessed 31.03.2023).

Heiduk, F. *Asian Geopolitics and the US-China Rivalry*. Routledge NY, 2023, 254 P. Available at: <https://www.routledge.com/Asian-Geopolitics-and-the-US-China-Rivalry/Heiduk/p/book/9780367618469> (accessed 31.03.2023).

Kratiuk, B., Bosch, J., Jaskolska, A., Sato, Y. *Handbook of Indo-Pacific*. London, 2023. 423 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003336143> (accessed 31.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

УЯНАЕВ Сергей Владимирович, **Sergey V. UYANAEV**, Candidate of Sciences (History), Deputy Director, Institute China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32. 32 Nahimovskiy prosp., Moscow, 117218, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 / Received 02.04.2023.

Поступила после рецензирования 14.04.2023 / Revised 14.04.2023.

Статья принята к публикации 16.04.2023 / Accepted 16.04.2023.